

**«НЕПРИЗНАННОЕ ПОКОЛЕНИЕ» И ЕГО ГРАНИЦЫ
(О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)**

В статье осуществляется обзор творчества поэтов, стоящих особняком в исторической традиции, которые анализируются как поколение «непризнанных» в контексте многочисленных интерпретаций творческой вторичности. Особое внимание уделяется принципам периодизации второй половины XIX века.

Ключевые слова: *литературный процесс, забытые авторы, непризнанное поколение, периодизация.*

Я последний из писак,
Но поэт второстепенный;
Ты же — критик мой почтенный,
Первой степени дурак

Я. Полонский (Из письма к И. Тургеневу)

Русская поэзия второй половины XIX века традиционно освещалась как промежуточный период между двумя значительными литературными эпохами, период, в котором, за исключением нескольких ярких имен, многочисленная составляющая «плеяды» представлялась номенклатурно. Потребовалось немало исследовательских усилий, чтобы преодолеть инерцию довлеющей «оценочности», а судьба поэтического поколения 40 – 80-х гг. превратилась в один из актуальных сюжетов современного литературоведения.

В основе этого сюжета – «скомканные» литературные биографии: резкая, уязвляющая достоинство поэта, критика, творческое молчание и одиночество. Специфика взаимодействия критики и поэтов этого периода также нуждается в дополнительном изучении и уточнении. Критический отклик часто оказывается деструктивным, а пророчества, как показывает время, ошибочными. Вспомним, известное высказывание Дмитрия Писарева о микроскопических поэтах Полонском, Фете, Щербине и принижающем сравнении их с модисткой [1]. Только ближе к исходу века начали происходить какие-то смещения и становление новых принципов критики. «Особнячество русской критики кончилось, теперь ей необходимо перейти на общечеловеческую почву <...> Мы теперь должны приучиться изображать личность писателя и его сочинения во всей исторической и субъективной обстановке, если так можно выразиться; должны уметь нарисовать характер писателя, а не сделать ему начальственный выговор за непохвальное поведение» [2: 14], – Д. Шестаков, критик конца XIX столетия, фиксирует становление иных принципов и задач оценки литературного произведения.

Эта ситуация резонирует той, что сложилась сейчас в филологии в аспекте ранжирования литераторов. Невзирая на стремления филологов обнаружить новые подходы ко

многим авторам второй половины столетия, укорененное представление о творческой второстепенности периода преодолевается очень медленно. Вот, к примеру, один из таких частных, но симптоматичных случаев, взгляд, выраженный «между прочим», и его неотрефлексированность выступает ярким свидетельством стереотипности восприятия эпохи: «Один из самых, может быть, характерных примеров пустого (или более точно — сильно разреженного) времени — последняя треть XIX века <...> Кажется, что русская поэзия тогда ходила под паром, отдыхала перед началом XX века, который принес целое созвездие поэтов, изменивших все» [3]. Об относительности и субъективности выделения степени одаренности говорилось неоднократно (А. Белецкий, И. Прозорова, Н. Пахсарьян, И. Розанов, Х.-Р. Яусс). Н. Пахсарьян, размышляя об «оценочности» в гуманитарном знании, показывает возможные пути решения проблемы, в которых «историческое» и «субъективное» взаимодействуют: «По-видимому, историки литературы навсегда обречены искать филологическую истину между Харибдой вкусовщины и Сциллой холодного равнодушия. Филологическое исследование не может (и, наверное, не должно) быть объективным, оставляющим за скобками личность самого исследователя, но оно может — и должно — быть по-особому, не математически точным, причем первым условием этой гуманитарной точности является позиция не выносящего приговор, но рассуждающего исследователя, применяющего исторический подход как к изучению самого произведения, его поэтики, так и к анализу его судьбы, его художественной ценности ...» [4].

В незамысловатых строках «домашнего» сочинения Я. Полонского, приведенных в эпиграфе, без рисовки и театральности отображен болезненный опыт и абсолютная бесплодность коммуникации критики и поэта в этот период. Едкость самоиронии, трезвое, чрезвычайно критичное отношение к своему таланту сохранили письма, дневники и поэзия многих авторов. Так, в записной книжке Петр Бутурлин писал: «Я, конечно, не достаточно глуп, чтобы корчить из себя новатора» [5: 131]. Более чем скромное понимание значения собственного творчества не помешало поэту создать своеобразные лирические произведения, высоко ценившиеся символистами. Но удаленность от центра литературной жизни, ранняя смерть привели к забвению поэта вплоть до недавнего времени, когда осуществились переиздания и первые попытки осмысления сочинений П. Бутурлина. Здесь важно почеркнуть, что длинные перечни малоизвестных имен 40 – 80 -х гг. состоят из поэтов различных «лагерей» и направлений, самих себя выносивших за скобки центра литературного процесса и часто осознанно покидавших «мир поэзии бесплодной».

Б. Дубин — автор работы «Сюжет поражения» — о феномене «признанного опоздания» пишет: «Это своеобразный и по-своему сложный феномен эпох признанного «опоздания» или, по-другому, сознания своей творческой инертности, принятия своей вторичности. Спад, ослабление или невозможность активного смыслопроизводства сопровождаются при этом чувством диффузной зависимости от «прошлого» или «чужого», но вместе с тем неспособности это прошлое в сколько-нибудь организованном и осмысленном виде удержать» [6: 155]. Замыкание групп, ослабление межгрупповых коммуникаций, истощение обновленческих импульсов в обществе и культуре — черты времени эпигонов, времени «короткого дыхания», «малых» инициатив, отказа от «долгих мыслей» [6: 156]. Эти признаки проступают в форме и семантике стихотворных

произведений второй половины столетия, зачастую определяется архаизацией художественной структуры.

Дискомфортные ощущения «зажатости», творческого «опустошения», всплеск авторефлексии привело поэтов нескольких десятилетий XIX века к общему пониманию своей исторической роли «как экспертов и хранителей, призванных заново пересмотреть и упрочить традиционную систему эстетических ценностей» [7: 53]. Вынужденный «консерватизм», порожденный замкнутостью поэтической сферы, декларируется не только на текстуальном уровне, но и поведенчески, в «анахоретстве», подчеркнутой отстраненности от литературной жизни. Ближе к концу столетия эта тенденция усилится и продолжится в том, что авторы перестанут соотносить свое творчество с «поэзией», но породит иную форму творческого изоляционизма – «дилетантизм». Открыто или нет, но отождествление себя «дилетантом» показывает стремление к свободе от творческих предписаний, принадлежности к «школам». Однако энергия «негативности», повышающая потенциальность, ценность произведения, не умножается. Так происходит потому, что эпигонство/дилетантизм – две полярно противоположные формы литературной и социальной реакции на исторический стимул, идеологическое давление, жесткую биполярность, выталкивающую за границы центра литературного поля, в котором разместились признанные. Факт признания в этот период, пожалуй, ярче и выразительнее демонстрирует шаткость, даже призрачность, оборачивается легкомысленной и мимолетной модой (как в случае В. Бенедиктова, позже – С. Надсона). И, наоборот, канонизированные современными литературоведением Ф. Тютчев и А. Фет успеха не имели.

На протяжении второй половины XIX века поэзии становится то слишком мало по причинам, как объяснял Н. Некрасов, прагматичным: проза приносит больший доход, а эпоха «литературного бескорыстия» прошла [8: 33]. То слишком много. В тридцатые годы, часто называемые с легкой руки В. Белинского «смирдинским» периодом, поэзии не становится меньше, но меняется ее «качество». После поэтических «сумерек» 60 – начала 70-х гг., невзирая на общую тенденцию к снижению интереса к поэзии, следующие десятилетия русское общество снова охвачено «стихоманией». Статус «массового» поэта окончательно утверждается, журнальные издания переполнены стихами. Вырастает, по негативно-оценочному выражению В. Крестовского, «рабочий класс журнальной литературы», литературные каторжники, живущие в нужде, труде и безызвестности [9]. Если в 30-е – развитие эпигонской поэзии кристаллизуется в понятии «бенедиктовщина», то к концу века явление эпигонства продолжает быть и развиваться, утрачивая нарицательность, становясь всеохватывающим. В столь нестабильной литературной ситуации колебания от «стихофобии» к «стихомании», в условиях отсутствия иерархичности системы, образовывались факторы, приятствующие попаданию в литературное поле авторов, действительно, со слабым поэтическим чувством. Отсюда уже упоминающееся нами явление неустойчивости, кратковременности поэтического вдохновения, например, Н. Кукольника, А. Пальма, В. Печерина, Ф. Червинского и др. В этой волнообразной динамике на фоне дискуссий о литературных иерархиях вырастает проблема художественной вторичности, которая чаще всего рассматривается в ключе стиля, поэтического языка, тематики. Такое направление в изучении «вторичности» преобладает до сих пор, и, тем не менее, оно корректируется попытками вынести и осмыслить незамеченные ранее детали историко-культурного контекста, упущенные биографические подробности.

Угол исследовательского зрения на процессы и личности эпохи постепенно изменяется. Над внутренним, имманентным подходом начинает доминировать внешний, активно внедряющий внелитературные факторы, о котором обстоятельно заговорили в рамках рецептивной эстетики. Одним из ярких примеров, на наш взгляд, являются перемены в изучении творческого пути В. Печерина – одиозной фигуры русской культуры, которой сегодня уделяется много внимания, еще совсем недавно отводилось скромное место в ряду бенедиктовской «школы».

Несмотря на то, что категория поколения как «нежесткая формация» (С. Зенкин) не обеспечивает стройность классификации, именно поколение положено в основу наиболее распространенных периодизаций развития поэзии второй половины XIX века. Начиная с 40-х гг., поэзия вступает в длительный переходный период. Каждое последующее десятилетие обозначено попытками преодолеть ограниченность, скованность поэтического слова. Быть может, именно поэтому в существующих периодизациях наиболее распространенным является подход, который «вымеряет» поколения десятилетиями. Однако творческая активность поэтов то затихала, то возобновлялась снова, образуя пунктирность динамики поэтических форм, сюжетов. Как связать между собой десятилетия? Что может выступить объединяющей силой для различных с точки зрения творческой программы авторов?

Проблемы описания поэзии второй половины XIX века возникли довольно рано. Одна из первых попыток его осуществления – известный цикл статей «Второстепенные поэты». В начале XX века А. Блок в работе «О списке русских авторов» высказал мнение о том, что в рассмотрении литературы «мы не должны бояться множества имен» [10: 283]. Поэт напишет: «Составляя список русской литературы XVIII и XIX вв., можно идти по пути Марфы, которая печется о многом, и по пути Марии, избравшей благую часть. Я избираю первый путь потому, что он, как мне кажется, продиктован исторической минутой <...> Кроме поэтов, признаваемых всеми, есть много стихотворцев, каждый из которых создал несколько замечательных вещей и массу произведений, потерявших всякое значение» [10: 282]. Слова А. Блока не утратили актуальность. Действительно, множество имен ожидает внимания с нашей стороны, действительно, «пропущено» замечательное. Однако нельзя не отметить также и то, что период дает ценный материал для изучения полупроявленных явлений, например, творческих неудач, периферизации образов, сюжетов, жанров и их скрытых механизмов. Решение этих задач, очевидно, требует не только тщательной систематизации материала, но и выработки принципов его типологической организации. Узловой момент историко-литературной модели периода, как нам кажется, основывается на категории «поколения», объединяющей различные имена и характер творчества общей литературной «судьбой». Под этой, возможно, не лучшей с академической точки зрения метафорой понимается сходные цели деятельности и результат, особая взаимосвязь с прошлым и современниками.

И. Каспэ указывает, что в русском литературоведении прижилась поколенческая метафора «незамеченное» поколение [11]. Однако поэтов второй половины трудно охарактеризовать «незамеченными», также как и применить к ним другую распространенную метафору – «утраченное» поколение. «Энтелехия» поэтических движений периода ознаменовалась внутренней противоречивостью, трагической несовместимостью устремлений и их реализации, порождая преждевременно умолкающих авторов и сблизкая

творческое видение тех, кто начинал в 40-е и в 80-е гг. XIX века. Пожалуй, более точной характеристикой может выступить понятие «непризнанности», позволяющее иначе посмотреть на оценочные понятия «опоздания» или «опережения». Определение «непризнанный» не отменяет творческой значимости созданного, напротив, раскрывает суть дистантности, его креативный потенциал: воплощение новых переживаний, обогащение образности и эмоционального фона поэтического искусства, – а также затрагивает вопрос о специфике рецепции поколения и его научной «репутации». Ракурс «непризнанности» позволяет осмыслить сложные отношения творчества и «времени»: «велик» или «мал», но если «временем» не признан (здесь мы пользуемся представлением о времени и его влиянии на литературное поле П. Бурдые), шанс представлять его в будущем незначителен.

В аналитическом описании литературного процесса второй половины века и его структуры стадияльная четкость и последовательность размывалась: в наиболее упорядоченных и отрефлектированных научных версиях десятилетия объединяются, хронологический порядок «сжимается» в сильные стилиевых или, если речь идет о более ранних, советских изданиях, идейных течениях. В академическом двухтомном издании «История русской поэзии» 1969 года период структурируется следующим образом:

- демократическое направление 50 – 70-х гг;
- гражданская и демократическая поэзия 50 – 60-х гг.
- крестьянские поэты 60 – 70 -гг.;
- поэзия революционного народничества;
- лирическая и историческая поэзия 50 – 70-х гг.
- русская поэзия 80-х гг. [12]

Незвизрая на идеологическую заангажированность, таксономический «слепок» эпохи отображает полиморфность, к которой приводит неоднородность развития стихотворного творчества. Так, поэзия 80-х гг. классифицируется через категории продолжателей и предшественников, «старших» и «младших». Последующие академические издания (например, История русской литературы в 4-х т. (Л., 1980), История русской литературы в 4-х т. (Л., 1982) повторяют принцип выстраивания периода, основанного на вершинных фигурах и событиях литературного процесса.

Существующие периодизации динамики поэтического искусства второй половины XIX века подчеркивают недостатки утвердившихся принципов хронологического представления художественных эпох. Нижней хронологической границей поэзии второй половины века традиционно полагаются 40-е гг., когда стихотворное творчество отступает на второй план, но также в литературу приходят Н. Некрасов, А. Фет. С таким образом очерченной нижней границей второй половины века большинство исследователей соглашались. И, тем не менее, поэзия 40-х в основном рассматривается в контексте процессов 50 – 60-гг., а «тридцатые» буквально «повисают в воздухе», оставляя открытыми вопросы не только о каких-то частных явлениях, но и даже о преемственности, взаимосвязи с последующим ходом литературного развития. Отодвигаются в сторону вещи, которые выпадают из художественной парадигмы, не отвечают доминирующей в десятилетие тенденции, на фоне которой они и получают оценку. «Внесистемной» оказывается, например, поэзия А. Полежаева, Д. Ознобишина, В. Туманского, Е. Зайцевского. В «промежутке» вторичности застывает «рефлексивная школа», а также так называемая «поэзия мысли» 30-х гг.

О том, что «хронологический» подход к истории литературы нуждается в пересмотре, исследователи говорят уже давно. «Поколенческий» взгляд значимость этой мысли многократно усиливает. Поиск методологии, актуализация компаративного, культурологического векторов изучения литературной эволюции становятся главными темами научной дискуссии в последние десятилетия XX века. Ю. Виппер в фундаментальной работе «Творческие судьбы и история: о западноевропейских литературах XVI – первой пол. XIX вв.», увидевшей свет в 1990 г., подвел черту своим многолетним исследованиям в области истории литературы. Главный концептуальный акцент – преодоление позитивистской установки в рассмотрении хода литературной эволюции как зеркального отражения исторического процесса: «Такая, если так можно сказать, «хроникальная» иллюстративность в воспроизведении литературного развития придает последнему чрезмерно пассивный и механически зависимый характер (в контексте этой проблематики возникает и целый ряд вопросов, связанных с принципами специфически историко-литературной периодизации и степенью ее зависимости от периодизации сугубо исторической)» [13: 285 – 286].

Спустя несколько десятилетий уже другой исследователь и с иных позиций провозгласит ту же идею, свидетельствуя, что проблема не преодолена и ее решение, особенно для русской литературы, еще впереди: «Существующие историко-литературные типологии можно условно разделить на внешние и внутренние. Внешние строятся на основании внелитературной истории и рассматривают историю литературы как ее эпифеномен. Внутренние же типологии основываются на имманентном анализе литературных текстов, а историю литературы рассматривают как автономный процесс именно структурализм и позитивистская историография доминировали и во многом продолжают доминировать в русском литературоведении. <...> Очевидно, что ее интерпретация (русской литературы – прим мое Е.Ю.) не может быть структурирующей и гомогенной...» [14: 10 – 11]

Наконец, в последние годы неудовлетворенность современными подходами к периодизации литературного процесса продолжает озвучиваться уже применительно к XIX веку, эпохе, казалось бы, тщательно изученной: «В анамнезе периодизаций XIX века находится связь с этапами освободительного движения <...> Такой принцип не является удовлетворительным и не должен сохранять свой приоритет бесконечно. Необходимы твердые основания собственного филологического свойства...» [15: 181].

Взгляд на русскую поэзию второй половины XIX века в литературоведении до 90-х гг., невзирая на блестящие труды знаменитых филологов (Д. Благого, Б. Бухштаба, Л. Гинзбург, В. Кожинова, Б. Кормана, И. Ямпольского, Б. Эйхенбаума), в историко-типологическом аспекте оставался практически неизменным. На одной из дискуссий, инициированной авторитетным изданием «Вопросы литературы» в 1996 г., проблемы литературной эволюции и методологии изучения обсуждали ведущие специалисты. Затронутые в ходе обсуждения аспекты в какой-то мере отображают ключевые тенденции последующих научных изысканий. Исследователи говорят о литературной динамике, о Ю. Тынянове и Ю. Лотмане, о синергетическом понимании истории, о жанровой функции. Среди прочего также артикулируется малоизученность периода русской литературы – 40 – 80-е гг. XIX века, о чем Д. Бак сказал следующее: «Мало кого из ученых ныне привлекают эти десятилетия. То ли золотой или серебряный века приковывают к себе львиную долю внимания, то ли уж слишком навязли у всех в зубах расхожие

характеристики 60-х годов как эпохи всеобщей и нещадной «борьбы за реализм». Все это, думаю, временное явление. Ведь именно в середине века завершается кардинальная перемена самого статуса литературы в культурном целом» [16: 26]. Исследователь оказался прав, и уже в начале нового тысячелетия интерес к этому периоду значительно возрастает. В девяностые появляется ряд значительных работ о развитии поэзии второй половины XIX века: Б. Егорова, М. Строганова, Е. Таха-Годи, Е. Тарланова. В следующие десять лет активизировалось изучение жанровых процессов. Этому аспекту посвятили исследования А. Боровская, П. Гапоненко, Е. Дмитриева, О. Мирошникова, Е. Завьялова, О. Зырянов, Л. Щенникова. Нужно отметить более пристальное внимание к «региональной» литературе, поиск и анализ творчества забытых поэтов. Появляется все больше монографических исследований, в которых главными героями становятся Н. Огарев, Я. Полонский, А. Майков, Ап. Григорьев, К. Случевский и т. д.

Сдвиги, которые происходили в осмыслении особенностей развития поэзии периода, отобразились итоговыми академическими изданиями, в которых намечается понимание того, что процесс 50-х и 80-х гг. типологически близки, а рассматривать их целесообразно в исторической перспективе. Так, в обзоре Е. Ермиловой «Поэзия второй половины XIX века» отсчет начинается от 50-х, деятельности А. Фета, Я. Полонского, А. Майкова и, через поэтов-демократов, линия развития доводится к А. Апухтину, К. Случевскому. Лейтмотивом, концептуально окаймляющим исследовательскую работу, стал путь «пятидесятников», в частности А. Фета, к признанию в 80-е, как сигнал того, что в поэзии «закладывается чувство традиции» [17: 90].

Завершая эту статью и, разумеется, отдавая себе отчет в том, что до исчерпания темы и подведения итогов еще очень далеко, попытаемся выделить и подчеркнуть тот весомый вклад, которые сделали поэты «непризнанного» поколения в развитие русской литературы. Итак, поэзия второй половины XIX века отмечена важнейшими преобразованиями: возникновением новых идейных течений, изменением статуса поэта и необходимостью формирования другой поэтической иерархии на фоне отсутствия «первого поэта», – процессы, свидетельствующие о перестройке литературной системы и разрыве с «золотым веком» [18: 101]. В критической мысли также проявляются новые акценты. «Категория художественности претерпевает существенные семантические сдвиги; с ней уверенно соперничает категория «искренности» и «поэтической личности» [18: 90]. Результатом критической журнальной полемики становится антропологический поворот в эстетике русской литературы, давший толчок, в том числе, и к переменам в поэтической сфере. Огромное значение приобретает формирование новой концепции человека в 30 – 40-е гг. Поэтический жанр претерпевает влияние прозы, но также сказывается и одно из ведущих общеэстетических требований эпохи: тождества личности и творчества. Выражению «искренности» в лирике были подчинены трансформации жанровой системы, поиски новых выразительных средств, размыкание художественной структуры произведения в «жизнь». Эти творческие искания осуществлялись в плодотворном диалоге с традицией, предшествующим опытом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Писарев Д. И. Сочинения : В 4-х т. / Д. И. Писарев – М. : Гос. изд-во худ-й лит-ры, 1955 – 1956. – Т1. – 388 с.
2. Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890 – 1902. / П. П. Перцов. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 496 с.
3. Гуйбаловский В. Заметки о поэтических поколениях [Электронный ресурс] / В. Гуйбаловский // Арион. – 2013. – № 2. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/arion/2013/2/19g-pr.html>
4. Пахсарьян Н. Т. Историко-литературная репутация произведения как аксиологическая проблема (феномен «Астреи» О. Д'юфре) [Электронный ресурс] / Н. Т. Пахсарьян // Филология в системе гуманитарного знания. – М., 2000. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/literature3/pakhsaryan-00.htm>
5. Бутурлин П. Сонеты и разные стихотворения / П. Бутурлин. – СПб. : «Лимбус Пресс», 2002. – 148 с.
6. Дубин В. Слово – письмо – литература. Очерки по социологии современной культуры / В. Дубин. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 412 с.
7. Мирошникова О. В. Лирическая книга: Архитектоника и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX в.) : Учебное пособие / О. В. Мирошникова. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2002. – 140 с.
8. Некрасов Н. А. Полн. собр. сочинений и писем : В 15-ти т. / Н. А. Некрасов. – Л. : «Наука», 1981 – 1990. – Т. 11. – Кн. 2. – 427 с.
9. Крестовский В. В. Переводы и подражания И. П. Крешева / В. В. Крестовский. – «Русское слово». – 1862. – кн. IV, отд. II. – С. 78 – 79.
10. Блок А. Собрание сочинений : В 6-ти т. / А. Блок. – Л. : Л.О. «Художественная литература», 1982. – Т. 4. : Очерки. Статьи. Речи (1905 – 1921). – 464 с.
11. Каспэ И. Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы / И. Каспэ. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 190 с.
12. История русской поэзии : В 2-х т. Т 2. – Л. : Л.О. «Наука», 1969. – 500 с.
13. Виппер Ю. Б. Творческие судьбы и история / Ю. Б. Виппер. – М. : Художественная литература, 1990. – 354 с.
14. Щербенок А. Деконструкция и классическая русская литература : От риторики текста к риторике истории / А. Щербенок – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 232 с.
15. Кузнецов И. Методы и методики. Какой мы видим историю русской литературы / И. Кузнецов // Вопросы литературы. – 2011. – № 3. – С. 181 – 224.
16. Бак Д. История литературы: текст и быт / Д. Бак // Вопросы литературы. – 1996. – № 3. – С.25 – 31.
17. Ермилова Е. В. Поэзия второй половины XIX в.: Ермилова Е. В. [Русская литература] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1983 – 1994. – С. 84 – 92.
18. Вдовин А. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830 – 1860-х гг. : Дисс... доктора философии / А. Вдовин. – Тарту, 236 с.

Юферева О., доцент

Запорізьський національний технічний університет, Запоріжжя

**«НЕВИЗНАНЕ ПОКОЛІННЯ» ТА ЙОГО МЕЖИ
(ПРО ПРОБЛЕМИ ВИВЧЕННЯ РОСІЙСЬКОЇ ПОЕЗІЇ
ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ XIX СТОЛІТТЯ)**

У статті робиться огляд творчості поетів, що стоять окремо в історичній перспективі та аналізуються як покоління «невизнаних» у контексті численних інтерпретацій творчої вторинності. Досліджено провідні питання «першочергових» і «другорядних» поетів. Загальний опис відомих та непопулярних авторів та їхнього впливу на розвиток літератури здійснюється у цій роботі. Окрема увага приділяється принципам періодизації другої половини XIX століття.

Ключові слова: літературний процес, забуті автори, невизнане покоління, періодизація.

Yufereva E. V., associate professor
NTU, Zaporozhye

**«UNRECOGNIZED GENERATION» AND ITS BORDERLINES
(ON THE PROBLEMS OF RESEARCH OF RUSSIAN LITERATURE
OF THE SECOND HALF OF THE XIXth CENTURY)**

The general description of well-known and not popular authors and their influence on the literature development is given. A special attention is spared to the research of principles of periodization of the second half of the XIXth century. The basic questions of «the first-rate» and «the second-rate» poets are investigated.

Key words: literary process, forgotten authors, unrecognized generation, periodization.